

Алексей Цветков
ЗАПИСКИ АЭРОНАВТА

Серия «Поэтическая библиотека»

Алексей Цветков — одна из центральных фигур современной российской поэзии, в 70-е лидер поэтической группы «Московское время» (в которую входили также Бахыт Кенжеев и Сергей Гандлевский). В 1975 году эмигрировал в США, преподавал русскую литературу, занимался журналистикой. «...Я замолчал на 17 лет, то есть я перестал писать стихи, но когда я начал снова, я понял, что язык сам в меня вливался. Тем более к тому времени появился Интернет... Живой язык — он всегда удобнее мертвого». «Записки аэронавта» — книга избранных стихотворений Алексея Цветкова, покрывающая период с 2004 года по настоящее время. В нее включены произведения из книг «Шекспир отдыхает», «Имена любви», «Ровный ветер», «Сказка на ночь», «Детектор смысла», «Онтологические напевы», а также стихи, публикуемые впервые.

алексей цветков

записки аэронавта

избранные и новые стихи

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»

из книги «Шекспир отдыхает»

странник у стрелки ручья опершись на посох
ива над ним ветвится в весенних осах
летучие лица тучу сдувают в угол
на горизонте латают лазурный купол
вьюн виноградный часовня и поле льна
средневековые времени полдень дня

дробная россыпь черных грачей в ландшафте
или людей впереди один на лошадке
это к нему с виноградного склона слева
скачет ручная серна и машет дева
лен полыхнет синевой озаря твердь
посох коса и страннику имя смерть

над капюшоном ива струится пышно
люди поют в унисон но сюда не слышно
гибкая дева-ива и серна в лозах
лики длинного ветра в безруких позах
музыка ос золотая пряжа лучей
странник стоит на траве и глядит в ручей

лица без тел и тело без глаз и кожи
в полом плаще но существует тоже
в чреве часовни монах воздевает руки
с детства боится и молится богу-буке
нет ему бога и вся эта жизнь ничья
деве уже не пересечь ручья

все золотые осы весны и в тучах лица
этот свет беспробудному камню быстро снится
только синим огнем полыхнет по липкой глине
и обрушится в ночь а буки нет в помине
только химия гложет время за слоем слой
дева машет с холма и серна летит стрелой

кеннеди кеннеди кинг и прочие жертвы
и с моста в пролом талахачи а смерти нет
билли джо макалистер о ком бобби джентри
пела пока не канула в интернет
в год когда я ждал на бульваре гири
в теремке термитном скорых даров судьбы

антиподы-прадеды с лязгом зубы в супы
упустили и рты утереть забыли
аж до орденских плашек висла слюна
в год когда я дернул к иным пределам
к синему заливу и пылким девам
запевай струна

от рассвета по трайборо вброд до бронкса
до заката на дилерской тачке в тендерлойн
грыжа держит азимут авось доберемся
в путь по солнечной в обратный по теневой
поздних зорь резеда в парнике партийном
муровали в гранит эти челюсти и тела
зимовать потому что смерти нет в противном
случае надо признать что жизнь была
к руслу миссури нимфы на фавнов падки
над cbgb лето прольет елей
мост над синим проломом по радио панки
the kkk took my baby away

погляди меня в гугле господи всех вселенных
если я записан в какой-нибудь их народ
очарованный житель в рощах твоих целебных
дегустатор нимф и редких рифм нимрод
сквозь гикори и гинкго слепящий свет одинаков
сквозь хитон рентгеном костей любой сантиметр
я вернулся открыть вам тайну двух океанов
горизонт безлюден как был и смерти нет
кто затеплил свет перед светом навек в ответе
не уйти в полутьму астролябий и ветхих книг
под окном паркинг-лот на асфальте играют дети
кеннеди кеннеди кинг

было третье сентября
насморк нам чумой лечили
слуги ирода-царя
жала жадные дровичли
опустили всю страну
поступили как сказали
потный раб принес к столу
блюдо с детскими глазами

звонче музыка играй

ободрай забаву зверю
если есть кому-то рай
я теперь в него не верю
со святыми не пойду
соглашаюсь жить в аду

в царстве ирода-царя
кровь подсохла на рассвете
над страной горит заря
на траве играют дети
все невинны каждый наш
я предам и ты предашь

4 сентября 2004

треплет невзгода кулисный картон
зыблется мокрого света граница
в пепельных клетках бюро и контор
время двоятся

небо зажгло штормовые огни
голос погас или горло в коросте
где это с нами и кто мы одни
здесь на помосте

время повернуто в оба конца
тонко в нии нагадала наука
мчится во имя кому-то отца
сына и внука

тени охапки и ворохи тьмы
реют бореи сквозь тросы тугие
как это с нами и кто эти мы
кто-то другие

только заря загорится черна
гостя с обратного берега ночи
глянет нам кормчий с чужого челна
вкрадчиво в очи

теплый вечер дождями умыт
ветер кроны янтарные вытер
кто-то в парке сегодня убит

я прошел стороной и не видел

не клинок так любовь и вино
обеспечат плиту и ограду
потому что природой дано
совершить нам любую неправду

весь в ромашках редяющих трав
мало света и счастья немного
этот мир перед нами не прав
мы здесь пасынки слабого бога

заведу расшивную тетрадь
черный бархат на алой подкладке
чтобы всех кто рожден умирать
занести в алфавитном порядке

для каких-нибудь лучших веков
где судьба осторожней и строже
бродский проффер сопровский цветков
и ромашки
и бабочки тоже

Памяти Д. Н.

погоди я тащусь от пейзажа
то шакал в камыше то койот
к синеморю река проезжала
там о родине что-то поет
под кустом мегатонны в заначке
видно сбросил сержант кабалу
а потом луговые собачки
правят утро в сосновом бору
три сурка со старинной конфеты
в нежных нимбах дрожат силуэты

там вдали огоньки полустанка
сам-шериф и ковбоев пяток
и невольно пришпорит мустанга
утомленный планеркой парторг
он согласен явиться народу
чтобы стейки первач и ситро
из-за образа вынут колоду
texas hold'em стрельба у сельпо

пусть поштопают ватные польта
шестикратное зарево кольта

далеко это ранчо однако
всё торнадо команчи леса
и не факт что в заштатном монако
иноходцу нароют овса
ни сырку ни лучку тебе дядя
посильнее здесь гасли умы
только истово крестится глядя
на большой полумесяц луны
и бубнит буераками едя
три сурка три сырка три медведя

в ржавом остове вокзала
тень струила невода
зубы редкие вонзала
прямо в горло немота

здесь забыв собой гордиться
хрипло дышит человек
словно тусклая водица
ночь сочится из-под век

каждый зев привержен зелью
жизнь диктует где поддать
никогда на эту землю
не сходила благодать

ночь река с проворной грустью
постепенно сносит к устью
шелудивых и увечных
население баржи
в протяженье каботажа
экипаж постигла лажа
неприятели природы
эти шлюхи и бомжи

почему на пристань леты
с детства выданы билеты
почему еще в полете
чайки загодя мертвы
сколько глаз к стеклу ни липни

там пургу сменяют ливни
а потом прикроют веки
санитары и менты

сказка лживая связала
жалких жителей вокзала
рай курортный с пыльной фрески
жизни требует взамен
всюду пальмы посмотрите
сбоку буквы на иврите
для пригожих и умытых
древней радуги завет

я войду и буду краток
миновало время пряток
миру времени в обрез
бейте в бубны
я воскрес

клекот из горла ли лепет из чашки петри
осциллограмма легкой капелью пульс
раньше росла трава и птицы пели
наверное лучше все состоится пусть

гром метеоров в грозу города отважны
всплыть чтобы мокрые звезды рыбьим ртом
все что возможно случится сейчас однажды
пусть никогда никогда никогда потом

в темень струит стволы и в ливень лица
бережный сад к оврагу журчит дрожа
трудно сбывается все что не смело сбыться
страшно и сразу как в сумерки блеск ножа

третий удар тишины и дробью снова
кто там стоишь у ослепшей стены одна
воля твоя велика но вслух ни слова
землю разверзни но не затворяй окна

свернута кровь в рулоны сыгранны роли
слипшихся не перечислить лет в душе
сад в соловьиной саркоме лицо до боли
и никогда никогда никогда уже

на пляже тени влажные ложатся
кружат стрижи и не хотят снижаться
сто шестьдесят девятый день в году
скрипят ворота и орфей в аду

река на букву с и бессловесны
птицеподобья в тучах муляжи
животных на притворном водопое
над всеми кипарисовые свечи
пылают черным правильным огнем
и бабочки как проруби в сетчатке
стократ черней чем допускает глаз
не шелохнуть ушей бесшумной лирой
вот жители умершие из нас
и страшен всем ротвейлер троерылый

он здесь повторно раньше он имел
спецпропуск на какую-то одну
из этих нас но слабо в мелкий шрифт
вчитался и ротвейлер на контроле
вмиг завернул которую привел
тот даже с горя спел по-итальянски
стена в след упущенной добыче
в окошко тыча справку и печать
мол дескать *che faró senza euridice*^[1]
что дескать делать и с чего начать

нас нет никак мы созданы из вздохов
из допущений и негодований
из слез и всхлипов тех кто нами был
на елисейских выселках отныне
где так черны стрижи и кипарисы
и метит камни оловом река
там наверху зачем кадите богу
не возвратится с музыкой жених
из этой бездны где ротвейлер ногу
вздымает над надеждами живых

в мерцанье мышц в просветах непролазных
зубов где мысль на выдохе скрипит
речь воспаряет над раствором гласных
швырни щепоть шипящих и вскипит

месторождение ругани и гимна
по немоты наружную кайму
где ни ушей ни паче рыл не видно
с кем разделить или излить кому

с пустым стаканом пересечь квартиру
вздремнуть впотьмах неведомо куда
пока внутри торопится к надиру
короткая империя ума

пусть неусыпен в черепном приборе
миноискатель истины но син-
тетических суждений априори
в таком безлюдье звук невыносим

когда наутро что ни свет то вторник
щеколда вновь на челюстях слаба
но врач на букву *a* как древний дворник
давно подмел ненужные слова

проснуться прежним навеки на этих фото
вмиг ориентир на буфет и виски залпом
буржуазно живут но видно вышел кто-то
в красивой стране в июле своем внезапном
словно от старости света день фиолетов
еще догорает тостер и чайник жжется
вниз по стене золотые девки берн-джонса
а бушевал что в жопу прерафаэлитов

к старости вкус снисходительней если телки
щедрость зла и добра откуда что берется
не то что чужая душа своя потемки
или это все-таки я а тот вернется
вот на комоду широкоморд и бледнее
рядом возможно но боже только не это
так загреметь в чужое без пощады лето
жутко как жизнь одинакова но длиннее

куцые тени это точно дальше к югу
снова изящное искусство та же тема
телка в соку и ей скелет клешню под юбку
никлаус мануэль рисунок смерть и дева

только не это боже сердце в кровь о гравий
времени в тусклом стекле лиловее вечер
черный такой в клочьях тлена навек обвенчан
со всеми но не с тобой не с тех фотографий

ваза с розами вдребезги об пол и ладно
жители гасят свет и тоже гаснут сами
ключ прогрел в замке и не заснуть обратно
уговори что это случится не с нами
что рожденным в лучах авроры в пене снежной
не входи минуту слушай о чем толкую
дают ледяное сердце и жизнь такую
чтобы вровень со смертью страшно но с надеждой

теперь короткий рывок и уйду на отдых
в обшарпанном б-motel'е с черного въезда
визг тормозов и время замирает в потных
послеполуднях жиже жить не сыщешь места
какой-то шебойган или пеликан-рапидс
всплески цветных галлюцинаций на заборах
окно в бетон на стене трафаретом надпись
то-то и то-то паркинг в пыльных сикоморах
платишь индусу в субботу сколько осталось
или в календаре переставляешь числа
ящик на шарнире звездный след это старость
годы которым в уме не прибавить смысла
солнце летит болидом за дальний пакгауз
точка где исчезну и уже не покаюсь

щелкнешь пультом и в кильватер ток-шоу теннис
а поскольку лето в календаре постольку
звон цикад я вчера через дорогу в denny's
слышал про озеро в пяти часах к востоку
взглянуть бы раз но движок у доджа ни к черту
ремень вентилятора источили черви
пергидролевая за стойкой взбила челку
не для меня конечно да и мне зачем бы
кофе разит желчью носок изъездил вену
запор на заре потом понос на закате
озеро-шмозеро вообще не шибко верю
ничего не бывает витгенштейн в трактате
написал как отрезал каждому известно
правило мир это все что имеет место

озеро мичиган заветный берег жизни
так далеко на сушу отшвырнуло бурей
не был в йеллоустоне где медведи гризли
в сущности то же что и европейский бурый
где-то америка башни вновь по макету
гадай в шебойгане переживут ли зиму
нынче было знаменье как баньши макбету
на коре кириллицей костя сердце зину
дрогнуло перед взрывом что земля большая
сердце истекло любовью к родному краю
но уже все равно потому что вкушая
вкусих мало меду и се аз умираю
в городке которого не припомнит карта
на крыльце мотеля в подтяжках из k-mart'a

так скажи не кружи в уме а если если
в переулках обломки топота и толпа
словно выхлоп из глоток стреляет стальные песни
в кристаллическом воздухе что же тогда тогда

ни одной тишины если город и ум совместный
на реверсе затылка это и есть лицо
и хоть вещи-в-себе за пределом причин и следствий
в голове слипаются мысли на если то

летний блеск с высот и фасеточный мир в подарок
здесь любовью сердце и речью в прах изотри
по всему околотку такой торжествуй порядок
вопреки уму чтобы пламя шло изнутри

кто осип на стогнах не станет достоин смерти
потому что жертве не проиграть войну
как старинный сенека под аккорд монтеверди
но не во пленник впалый с разодранным ртом во лбу

реют руки с помоста в оркестре запели пилы
отметелят польку и по брусчатке марш
повезет так фалангой в стекло гонец из пизы
а которого ждали если не этот ваш

полюби под крылом перелетную в липах область
перед дверью наружу расплакаться и обнять

чтобы прерванный срок приоткрыл свой закон и образ
как теперь навсегда но не если тогда опять

с колосников проворны провода
песком и солью тяжела кулиса
она стоит и кто она тогда
она поет о том что нет улисса
что мир как дым и время как вода

в великом море островам просторно
настанут снова солнце и луна
tu sol del tuo tornar perdesti il giorno^[2]
она поет но кто тебе она

в чужих краях корабль не прогадает
верстая путь покуда не поймет
что мир как миг в который пропадает
любой из нас о ком она поет

ткань времени до середины спета
узор ковра губителен и прост
она луна одна в руинах света
и солнце днем где не осталось звезд

в соленых брызгах догорает птица
на берегу прощальный ветер пуст
она поет и нам не возвратиться
пока она не затворяет уст

так облака бледны олени в долгой лежке
так бережен в бору невидимый костер
замешкаться у штор нашептывая кошке
такая жизнь на свете mon enfant ma sœur^[3]

блаженство что сентябрь и снова звезды оземь
из нежной пропасти слепые светляки
и то что мы живем превозмогая осень
неведомы нигде и так невелики

сентябрь и серп жнеца когда бы только знали
всегда как вьется свет волнуя и слезя
как точно сложится все что случится с нами

мы жили бы давно уже не жить нельзя

осины у ворот их медленное стадо
из земноводных уз зеленый водолаз
им невдомек пока что умирать не надо
когда стоит любовь как полынья до глаз

звон близкой осени на все края и версты
в зените бронзовом где журавлиный след
и ты что движешь солнце и другие звезды
когда мы смотрим вверх преодолевая свет

голый глаз как светильный газ в слюдяной воде
косяные по стенам жабры и бедный бубен
окажись вполне он и был бы да нет нигде
всем скелетом ввысь так и пел бы весь но не будет
трудный прах и себе никто и другим не друг
полый свет вблизи но отсюда наискось старец
из последних мышц в проникающем ветре рук
существуй вообще бы еще называлось танец

раз пробоины звуков в слоистый ввинчены чад
кто ли женский в ответ полувплавь из ночного чума
воздевая навстречу откуда запястья торчат
кровеносным нутром наперед предчувствие чуда
заюлит в пандан симметрично тому кто был
или не был конечно крестцом наподдаст шалава
уминая поверхность как барабанный блин
всем тапирам святая сестра и мать шакала

навести пустоту на резкость взять напоказ
буровые пробы света хоть не одинаков
то он мерче то ярче а то навсегда погас
негативом пламени над головнями маков
потому что первой в огне закипает боль
липким зельем гнева напитаны злые зерна
результат этих двух которые в сумме ноль
но рядятся плясать и в одно сплетены позорно

продащица страха всей тоски скоморох
сотворенье дней из брения их и кашля
обещает все что положено скоро мох
станет шерстью земли и лишайник хитином камня

дальше прыгнул вверх хвощи из удобных дыр
вдалеке практикуется предков двуногих двойка
в парном виде спорта
теперь существует мир
но другой не этот
и тоже совсем недолго

нас ночь разводила и наспех совала в метро
там пристален люд и народ астеничен рабочий
в коротком углу приблизительно я или кто
плечами впечатан в молву и мурлом неразборчив

какой-то он давний по виду двойник отставной
чей пульс пеленгуя часы отбивают победу
но нет постепенно которые были со мной
и негде добиться куда я так тщательно еду

бузило нетрезвых когда нас пускали в метро
числом человек молодежи в ком знания шатки
пока в переулках по сущие бедра мело
их нежную внутренность то бишь и не было шапки

назад в эту зиму вморожен как столп соляной
дворы бездыханны и снежные игры всё те же
но где отовсюду которые были со мной
и не были даже которые тоже всё реже

я вырасту бродским природы я всех сберегу
разборчивой речью с прилавков шумя тиражами
кто там на излете маршрута дрожали в снегу
дружили однажды чтоб с песней в метро провожали

портвейна рубин или спасской жирафья звезда
где смех вам не молк и с барханов сахара заметно
пусть светит оттуда какие вы были всегда
а мне до конечной в ночи обо всех незабвенно

толпа не знала времени отъезда
окрестными теснима небесами
откуда башня падала отвесно
с мерцающими как ручей часами

толпа листвою шумела и дышала
она жила бегом как от пожара
но нашему прощанью не мешала
пока ждала и время провожала

благословенны юности руины
в районном центре солнечного круга
на станции где мы тогда любили
без памяти и все еще друг друга

там пел в толпе один невзрачный видом
с гармошкой и в нестираной тельняшке
прикинувшись вокзальным инвалидом
эскизом человека на бумажке

пускай тогда он не глядел на нас но
отсюда видно чьих коснулся судеб
поскольку пел о том что все напрасно
что все пройдет и ничего не будет

но мы ему не верили конечно
а солнце дни усталые верстало
чтоб доказать как утверждал калека
что все прошло и ничего не стало

так все сбылось и ничего не страшно
остался свет но он горит не грея
и там на площади осталась башня
с дырой откуда вытекло все время

в просторной стране где совсем ни кола ни двора
так остро спросонок в мороз чем медлительней летом
когда за костром от росы коченеет кора
а сердце очерчено лугом и сплюснуто лесом
мы жили уже или живы тогда но не те
чьи лучшие лица повержены в гибкую воду
прозрачны заре или в хвойной светясь темноте
по локти в чернике что птиц отпускали на волю
мне пробило двадцать покуда умолк календарь
простясь с отраженьем навек обнимали друг друга
отведать награда которому мир повидал
одними губами где небо на ощупь упруго
пространство светло без вреда если время не труд

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru